

«ЗАГОВОР финского генштаба» — полицейское испытание при переходе к «массовым операциям»

**Константин
БЕЛОУСОВ**

г. Петрозаводск

В истории Советской Карелии 20–30-х годов есть два, на наш взгляд, тесно взаимосвязанных события, которые давно привлекают внимание исследователей как России, так и Финляндии, прежде всего историков.

Это так называемая «Карельская авантюра», или «Карельское восстание», 1921–1922 годов и «Заговор финского генштаба», «вскрытый» органами ОГПУ в начале 30-х годов.

История «Карельской авантюры» достаточно описана еще в советский период, новые подходы к освещению этих событий возникли в 90-е годы прошлого века, что коснулось не только их оценки, но и терминологии. Сегодня, например, часто используются наименования «Карельское восстание» или «Карельский мятеж»¹.

Для молодой Карельской Трудовой Коммуны (КТК) эти события стали серьезным испытанием, как военным, так и политическим. Любопытно, что современная энциклопедия Республики Карелия уделила лишь пару абзацев в статье о КТК этому вооруженному конфликту.

Одним из последствий этих драматических событий стал уход части коренного населения на территорию Финляндии. По данным Карельского отдела ГПУ, за границу ушло 10–12 тысяч карелов в дополнение к приблизительно 3 тыс. беженцев, перебравшихся туда в основном из Олонецкой Карелии в 1919 году.

Более половины беженцев вернулись назад после объявления ВЦИК РСФСР 30 апреля 1923 года «Амнистии карельским беженцам». Финское посольство в Москве констатировало возвращение около 5 тысяч беженцев по амнистиям 1923–1925 гг., руководители Советской Карелии называли 8 тысяч человек.

В обвинительном заключении по делу Отдельной Карельской егерской бригады (ОКЕБ) будет указано, что «после ликвидации всех этих авантур в Финляндию отступило около 18000 карельских и ингерманландских беженцев-эмигрантов, из коих около половины впоследствии вернулось по амнистии и нелегально в Советский Союз...»²

Значительной части этих «возвращенцев» будут в начале 30-х годов предъявлены обвинения в ак-

тивном участии в широкомасштабном «Заговоре финского генштаба» (ФГШ).

Однако прежде чем говорить о событиях 30-х годов, отметим, что вернувшиеся на Родину люди в начале 20-х годов прошли проверку в фильтрационных лагерях и практически все были поставлены на оперативные учеты в ГПУ.

Ник Барон³ в своем исследовании отметил, что об этих списках «...вспомнили во время массовых репрессий 1937–1938 гг., чтобы произвести аресты». Он ошибся. Вспомнили уже в начале 30-х годов, о чем свидетельствуют материалы дела о заговоре ФГШ.

В Национальном архиве Республики Карелия хранится документ, имеющий заголовок «Торжественное Обязательство». Это формализованный бланк, в котором предусмотрено указание персональных данных лица, возвращающегося «из пределов Финляндии в Карельскую Трудовую Коммуну», принимающего на себя обязательство неукоснительно соблюдать законодательство РСФСР и КТК, гарантирующего это «своей честью». При этом всякое «возмездие со стороны Советской власти за нарушение данного обязательства» подписавший документ признавал «законной репрессией».

Возможно, что именно эти сведения стали основой для оперативных учетов органов госбезопасности либо концентрировались и в органах власти, и в ОГПУ.

В служебных документах ГПУ-ОГПУ КАССР сведения и прогнозы о финском шпионаже зазвучали еще тогда, когда вооруженный конфликт не был погашен, и продолжены в 20–30-е годы, равно как и заявления о финской военной опасности и опасности «карельского сепаратизма».

Можно согласиться с исследователями, утверждающими, что миф о возможности очередной «Каравантюры» будет преследовать органы безопасности Карелии все 1920–1930-е годы, что связано с опасением ряда государственных деятелей СССР и Карелии о том, что Финляндия намерена захватить Советскую Карелию⁴.

Была ли основа для таких опасений? Безусловно. Финляндия, конечно, не являлась главным военным противником СССР. В то же время полити-

ческое и военное руководство этой страны вполне осознанно участвовало в мероприятиях, направленных на ослабление Советского государства. К их числу относятся, в частности, разработка на основе данных военной разведки оперативным отделом финского генерального штаба и утверждение в 1930 году плана совместных боевых действий Финляндии и Эстонии против СССР.

Этот план предусматривал и активное сотрудничество в военной сфере с Латвией и Польшей. С 1933 года активизировалось военное, в том числе и по линии разведок, сотрудничество Финляндии и Германии.

О первой ширококомасштабной операции по пресечению финского шпионажа ГПУ АКССР доложило в Центр в апреле 1925 года, констатируя, что «имевший ранее место шпионаж в погранполосе южного района Карелии... проведенной операцией... почти ликвидирован».

Позднее карельское ГПУ, учитывая активность, с которой финские спецслужбы вели работу с зарубежными карельскими и ингерманландскими организациями для их использования в антисоветской работе, приняло меры по локализации и пресечению этой деятельности не только на территории СССР, но и за его пределами.

В марте 1927 года заместитель начальника ГПУ АКССР Рудольф Нельке отдал приказ начальнику отдела контрразведывательных операций (КРО) Мартину Состе принять от Секретного отделения все дела-формуляры на «белоактивистов» и в течение месяца завершить их техническую обработку для заведения на них дел-формуляров на основе имеющихся материалов. Исследователь Э.П. Лайдинен справедливо отмечает, что с этого момента началась подготовка к проведению операции на бывших жителей Карелии, противников большевистского режима, проживающих в Финляндии, а также на карельские зарубежные организации и финские спецслужбы, использующие их в разведывательной работе на территории Карелии.

На протяжении 1928–1929 гг. ГПУ Карелии вело интенсивную переписку с руководством Полномочного Представительства ОГПУ в ЛенВО. Главная её задача – убедить в росте антисоветских настроений и реальности военного вторжения в приграничные районы республики, усилении активности финских спецслужб, направленной на подготовку новой авантюры.

Уже весной 1929 года карельская контрразведка начала планирование массовой операции по изоляции «караванюристов» и их пособников.

Начало операции по «противодействию финскому шпионажу и военному вторжению» пришлось отсрочить в связи с тем, что основные усилия, органов ОГПУ в том числе, были брошены на выполнение решений советских и партийных органов о борьбе с кулачеством. Это, однако, позволило приобрести боль-

шой практический опыт осуществления крупных «оперативных» мероприятий. Специальное заседание Президиума ЦИК КАСССР в сентябре 1931 года отметило четкую работу органов ОГПУ.

Таким образом, к началу 30-х годов замысел операции в отношении агрессивных планов финского генштаба был окончательно сформирован. Для его реализации было готово все, в том числе проведено серьезное кадровое усиление органов ГПУ Карелии. Николай Шершевский, назначенный новым начальником карельских чекистов, вероятно, получил и конкретные указания ПП ОГПУ по проведению операции.

Отдельного приказа на проведение операции не отдавалось, во всяком случае он к настоящему времени не обнаружен. В то же время очевидно, что замысел этой операции и созрел, и был одобрен (иначе не был бы осуществлен).

На наш взгляд, материалы дела свидетельствуют о том, что его «конструкция» была заранее определена.

По версии следствия, «контрреволюционная диверсионно-повстанческая организация» охватила 15 районов Карелии и 8 районов Ленинградской области, в состав 23 «контрреволюционных ячеек» которой вошли преимущественно лица карельской и финской национальности. Их главными задачами были шпионаж, подрыв основ советского строя, прямая вооруженная борьба, целью которой являлось свержение власти.

Всего по делу о заговоре ФГШ репрессировано около 1000 человек. Из них 727, по подсчетам О.Репуховой, были осуждены⁵; в том числе 561 карел; 8 – финнов; 146 – русских. Из числа осужденных 508 – бывшие «караванюристы»; приговорены к высшей мере наказания – 76 человек. Большую часть осужденных составили крестьяне – 485 человек.

Эта фактическая часть «заговора», как уже отмечалось, подробно описана.

Открытыми, на наш взгляд, остаются другие вопросы:

- каковы основные силы «заговора»;
- являлся ли он «частной инициативой» карельских и ленинградских чекистов и почему именно в начале 30-х годов возникла потребность в «заговоре»;
- можно ли говорить о том, что на самом деле в названных выше целях были задействованы оперативные средства и силы финских спецслужб;
- наконец, «заговор» – это стопроцентная фальсификация или нет?

Попытаемся найти ответ.

Основной силой «заговора» его создатели, карельские и ленинградские руководители органов ГПУ, объявили «активных караванюристов». Только материалы следственного дела №455–33 г.⁶ относят к этому «активу» 508 человек. В постановлениях о предъявлении обвинения и избрании меры

пресечения, как правило, указывалось на это обстоятельство.

Возникновение дела о «Заговоре финского генштаба» объясняют разными причинами.

Его напрямую связывают с проведением органами госбезопасности СССР операции по очистке нашей пограничной полосы, непосредственно соприкасающейся с территориями ряда государств, в том числе Финляндии. Выдвигают также «инициативную версию», указывая, что активное планирование «заговора» чекистами началось уже в 1927 году.

Исследователи особо отмечают, что отдельные акции карельского ОГПУ по борьбе с «буржуазной националистической контрреволюцией» шли с особым размахом и вылились в дело о «Заговоре финского генштаба»⁷. Разгром «контрреволюционных ячеек», по мнению следствия, и позволил ликвидировать «заговор».

В докладной записке от 25 декабря 1933 года № 50948 «О ликвидированных с 1930 по 1933 год наиболее важных контрреволюционных организациях по СССР» заместитель председателя ОГПУ Г. Ягода информировал И.В. Сталина об их разгроме, поставив «Заговор финского генштаба» на третье место.

Исследователи, как правило, утвердительно отвечают на вопрос о реальном интересе финских специальных служб к советской Карелии, подчеркивая системный и постоянный характер их разведывательной деятельности. Это в полной мере относится и к вопросу об использовании агентуры. Так, Э.П.Лайдинен указывал, что по неполным данным «... за период с 1918 по 1939 год финские спецслужбы направили в Карелию 135 агентов»; Ю.М. Килин отмечает, что существовавшие в 20-е годы «карельские банды» вели в том числе и активную разведку, а позднее «...когда в Карелии стала более активно работать контрразведка... многие из них стали двойными и даже тройными агентами. Но к 1939 году после проведенных зачисток НКВД в Карелии практически не осталось никого из числа этих людей».

При этом специалисты обоснованно утверждают, что, обвиняя, например, карельских беженцев в бандализме, ГПУ Карелии одновременно бездоказательно обвиняло их и в шпионаже.

Ключевой вопрос – можно ли называть дело «полностью сфальсифицированным»? Очевидно, что в ходе разработки и следствия по заговору финского генштаба были допущены грубейшие нарушения процессуальных норм, порядка ведения следствия и осуществления оперативно-разыскных мероприятий.

На наш взгляд, особенность такой «оперативной работы» как раз и состояла в том, что была создана и обкатана методика, позволяющая, используя реальные эпизоды, конструировать дела о заговорах и целенаправленно формировать мнение о политической нестабильности, засилье шпионов, диверсантов и вреди-

телей. Именно эта методика стала основой для проведения так называемых «массовых операций» 1937–1938 годов и подготовила необходимую базу для их осуществления.

Так, например, специалисты военной разведки, равно как и исследователи, занимающиеся историей советской военной разведки, связывают провал резидентуры ГРУ в Финляндии в октябре 1933 года (так называемая «резидентура Марии Шуль-Тылтынь») с предательством Армаса Утриайнена, позднее арестованного и расстрелянного по делу финского генштаба. Провал советской военной разведки в Финляндии произошел 10 октября 1933 г. В Хельсинки финская полиция арестовала нелегального резидента IV (Разведывательного) Управления Генштаба РККА Марию Юрьевну Шуль-Тылтынь и ее помощников – Арвида Якобсона, Юхо Эйнара Вяхью и Франса Яако Клеметти, а также значительную часть советской агентурной сети. Незадолго до провала бывший начальник Пункта разведывательных переправ 4-го отдела штаба Ленинградского ВО Армас Густавович Утриайнен был разоблачен как финский агент. Он выдал финской полиции всю известную ему агентурную сеть в Финляндии и линии связи резидентуры. Мария Шуль-Тылтынь была осуждена финскими властями на 8 лет заключения и умерла в тюрьме.

Другой пример: по делу ОКЕБ проверкой комиссии штаба ЛенВО установлены факты пропажи десятков совершенно секретных документов, включая мобилизационные, что вряд ли можно объяснить одной лишь халатностью (См.: Архив УФСБ РФ по РК., Фонд уголовных дел, д. 275., т. 3., л. 255 об.)».

Заметим, что «Заговор финского генштаба» – наиболее масштабная фальсификация начала 30-х годов, носящая национальный оттенок, но далеко не единственная. Известно «вскрытие» контрреволюционной буржуазно-националистической шпионской организации «СОФИН» (Союз освобождения финских народов) в Удмуртии; националистических повстанческих организаций в Западно-Сибирском крае.

На наш взгляд, и другие факты подтверждают тезис о фальсификации дела о заговоре. Например, репрессии по чисто формальным признакам, таким как социальное происхождение или положение.

Таким образом, дело о заговоре финского генштаба, как и другие чекистские «инициативы» начала 30-х годов, можно рассматривать как пролог Большого террора и полигонное испытание средств и методов его осуществления, примененных против отдельных целевых групп населения.

Были разработаны обоснования для проведения в последующем «массовых операций». Таковыми стали утверждения об активизации на территории СССР деятельности разведок иностранных государств, перерастании этой деятельности из разведывательной в диверсионно-террористическую и повстанческую.

В чекистской среде такие операции воспринимались как борьба с резонансными преступлениями. Так в одном из приказов ОГПУ КАССР проведение «...операции в связи с ликвидированным делом «Заговор Финского Генерального штаба»» оценивалось как событие, когда «население города устремленно следило за каждым движением ГПУ».

Эти инициативы были поддержаны вышестоящим руководством, как чекистским, так и партийным, именно потому, что позволяли отработать механизм, формы и методы осуществления превентивного террора, осуществлявшегося путем выявления и подавления «заговоров».

Примечания

¹ Килин Ю. Карелия в политике Советского государства. 1920-1941. – Петрозаводск, 1999; Бутвило А.И. Карельская Трудовая Коммуна. – Петрозаводск, 2011; Барон Н. Власть и пространство. Автономная Карелия в Советском государстве, 1920–1939. – М., 2011; Неизвестная Карелия: документы спецорганов о жизни республики. 1921–1940 гг. – Петрозаводск, 1997.

² Архив Управления ФСБ России по Республике Карелия (далее – АУФСБ РФ по РК). Фонд уголовных дел (далее – ФУД). Д. 275, Т. 3. Л. 250 об.

³ Барон Ник – адъюнкт-профессор в Школе истории Ноттингемского университета (Великобритания), специалист по истории России.

⁴ Лайдинен Э.П. Органы безопасности Советской Карелии (1918–1941) /Органы безопасности Карелии: исторические очерки, воспоминания, биографии. – Петрозаводск, 2008. С. 57; его же: Из рукописи «Карельская контрразведка против финских спецслужб на террито-

рии Карелии (1918–1939)» / Барышников Н.И., Лайдинен Э.П. Избранное. Из истории советско-финляндских отношений. – СПб, 2013. С. 415.

⁵ Репухова О. Дело о контрреволюционном заговоре в Карелии в 1932–1933 гг. («Заговор финского генштаба»). [Электронный ресурс].

URL: <http://www.memo.ru/library/books/korni/chapter6.htm> (дата обращения: 25.02.2014).

Заметим, что И.Р. Такала в книге «Финны в Карелии и России. История возникновения и гибели диаспоры». – СПб., 2002, (С. 58) приводит несколько иные цифры, но следует отметить, что точные цифры репрессированных и осужденных по делу ФГШ назвать крайне трудно. Поэтому большая часть исследователей называет именно «около 1000 человек». См., например, Старков Б. Инструментарий национальной политики ВКП(б) и его применение/В семье единой: Национальная политика партии большевиков и ее осуществление на Северо-Западе России в 20–50-е годы. – Петрозаводск, 1997. С. 93.

⁶ При ведении оперативной разработки «Заговор финского генштаба» было заведено несколько десятков следственных дел, например, № 455-1933 г.; 6170-1933 г.; 4246-1933 г. и другие.

⁷ Такала И.Р. Национальные операции ОГПУ/НКВД в Карелии/В семье единой: Национальная политика партии большевиков и ее осуществление на Северо-Западе России в 20–50-е годы. – Петрозаводск, 1997. С. 176.

□

Константин Федорович БЕЛОУСОВ

родился в 1957 году в Вологде.

С 1983 года живет и работает в Петрозаводске.

Окончил исторический факультет

Ленинградского государственного университета имени А.А. Жданова.

С 1986 по 2002 год – в органах безопасности СССР и России.

Подполковник.

Преподает в ПетрГУ на юридическом факультете.

Более 20 лет профессионально занимается

историей отечественных спецслужб.

Автор 15 научных публикаций, один из авторов

и научный редактор книги «Органы безопасности Карелии. 1918–2008.

Исторические очерки. Воспоминания. Биографии» (Петрозаводск, 2008).

Совавтор книги «Судьба страны. Судьба чекистов.

Из истории органов безопасности

Республики Карелия» (Петрозаводск, 2012).

